

ВВЕДЕНИЕ

Настоящим изданием Социологический институт РАН возобновляет выпуск научных трудов. Это событие совпало с 20-летием выхода ленинградских социологов из Института социально-экономических проблем АН СССР и образования в 1989 году в Ленинграде филиала Института социологии АН СССР. Приближается и еще одна памятная дата — 10-летие завоевания коллективом статуса самостоятельного института Российской Академии наук.

Сегодняшнее российское общество переживает один из самых показательных эпизодов собственной биографии. Постсоветская Россия как бы заново и небеспорно вписывается в тот порядок вещей, который раньше третирувался прежними идеологами как «инородный», как «другой мир». Страна ищет современный формат присутствия в эпохе модерна и постмодерна. Без адекватного понимания Современности и того, что мы есть в этой Современности, вызовы истории могут оказаться достаточно драматичными.

Перед отечественной общественной наукой стоит задача построить модель эффективной жизнедеятельности России в открытом мире. Очевидно, что из всех общественных наук именно социология находится в долгу перед российскими ожиданиями и надеждами. В то же время именно социология обладает исключительным научным потенциалом для выполнения этой насущной и важной миссии. Как пишет П. Штомпка, «социологические идеи обретают непосредственную практическую силу, когда доходят до гражданского

общества... Изменять сознание людей значит изменять их действия и изменять их общество»¹. Социология — это язык, на котором мы мыслим и конструируем общество.

Двадцать лет служения социологии — срок вроде бы не большой. Но какие это были годы! И если миссия социологии — быть зеркалом общества, то понятно, что это зеркало не могло не отразить и то, что со смешанным чувством называют «эпохой перемен», «русским транзитом». Социальное время наложило отпечаток на отечественную социологию.

В сборнике получили отражение исследования по методологии и истории социологии, приведены ретроспективные обзоры изучения динамики важнейших социальных процессов и новейшие результаты, полученные научными сотрудниками СИ РАН.

Сборник открывается статьей профессора Г.И. Саганенко «Микро- и макросреда в методологии эмпирических исследований». Выбор методологической темы как одной из первостепенной, далеко не случаен. Методология — это культура мышления социолога. И сегодня именно в этом направлении осуществляется поиск новых ресурсов и возможностей для социологии. Как справедливо пишет А. Малинкин, «Если речь идет об исследовательской методологии социолога, то подразумевается индивидуальное, субъективное видение социологической методологии представителем научного сообщества, в особенности — видение того ее сегмента, который социолог твердо усвоил и успешно отработал в своей исследовательской практике. В самом общем смысле — это учение о способах профессионального поведения (стратегиях и тактиках), о методах и методиках сбора, обработки, анализа и утилизации социальной информации»². Статья профессора Г.И. Саганенко посвящена осмыслению понимания методологии в современной социологии. Ключевой аспект статьи — обобщение опыта «качественной», «гуманистической» социологии, в рамках которой автор работает в последнее время, соединение микро- и макросреды исследования.

В статье Г.В. Каньгина «Анализ качественных данных и проблемы перехода к оперированию понятиями в социологическом исследо-

¹ *Штомпка П.* Изменяющаяся роль социологии и социологов в посткоммунистических обществах (тезисы доклада) // Ежегодная конференция сообщества профессиональных социологов «Современная российская социология в контексте общественных тенденций». 25–26 ноября 2005 г. С. 2.

² *Малинкин А.* Полипарадигмальный подход в социологии: мнимый выход из мнимой дилеммы // Логос. 2005. 2 (47). С. 102.

вании» речь идет о самом, пожалуй, уязвимом звене в современном построении социологического знания. Как мольеровский герой г-н Журден долго не подозревал, что он говорит «прозой», так и многие социологи не подозревают, что их ждут аналогичные открытия. С той лишь разницей, что г-н Журден практически ничего не терял от своего незнания, в то время как современный социолог, не работающий в формате сегодняшних Web-технологий (Html. Xml и др. программы) лишается преимуществ «электронной коммуникации» и компьютерной обработки данных.

Цивилизационные вызовы современности, стоящие как перед российским обществом в целом, так и перед российскими социологами, в частности, обсуждаются в статье профессора В.В. Козловского. Эту тему развивает Р.Г. Браславский, в статье которого «Сетевой подход в современном цивилизационном анализе: изменение парадигмы» представлен обзор новейших концепций теории цивилизации. Статья интересна тем, что в ней раскрывается значимость и перспективность такой темы, как цивилизационная идентичность России. Очевидно, что международное самоутверждение нашей страны должно строиться на всесторонне проработанной концепции о природе современной цивилизованности.

Статья профессора А.Г. Щелкина «Николай Тимашев — энигма русской социологии» имеет подзаголовок «Инновационный потенциал книги Н. Тимашева “Великое отступление”». В этой работе речь идет о до сих пор по настоящему «нерасшифрованной» части теоретического наследия крупнейшего социолога «русского зарубежья» — наследия, представленного в его работе “The Great Retreat” (1946). Анализ творческой лаборатории Н. Тимашева тем более поучителен и захватывающ, что непривычен и парадоксален сам подход Н. Тимашева к советской истории России. Ученый рассматривает Сталина как могильщика коммунизма и объясняет мотивы «Великого отступления» от Утопии.

Своеобразным ноу-хау петербургского Социологического института РАН можно считать создание и функционирование Биографического фонда (БФ СИ РАН). Эта тема в предлагаемом сборнике раскрывается в трех статьях. В первой из них, статье О.Б. Божкова «Биографический фонд: методологические проблемы социологического анализа», исследовательский пафос направлен на один из критически трудных вопросов, относящихся к «технике» социологического освоения реальности. О.Б. Божков представляет читателю ситуацию, с которой встречается здесь исследователь: трудноуловимость проблемы контекста, издержки «самопрезентации» авторов биографий (преувеличение, умолчание и

проч.), — одним словом, головоломки, с какими обычно сталкивается социолог, работающий с «человеческим, слишком человеческим» материалом. Специалисты, занимающиеся «переводом» естественного языка, с помощью которого субъекты описывают и осмысливают свой опыт, на язык понятий, доступных компьютеру и социологической калькуляции, называют это направление «анализом качественных данных» (АКД), о чем говорится в уже упомянутых статьях Г.И. Саганенко и Г.В. Каньгина.

Другую сторону медали БФ рассматривает К.С. Дивисенко в статье «Биографический фонд как исследовательский ресурс социокультурных изменений». Ровесник института, фонд за 20 лет действительно стал ресурсом, где аккумулированы биографии, интервью, дневники, воспоминания самых различных слоев российских граждан, через биографии которых просвечивает тренд советской и постсоветской истории.

Примером исследовательского подхода к материалам БФ может служить статья Н.Н. Цветаевой «Логика жизни и логика идеологии через призму советской эпохи». В центре внимания автора стоит вопрос, почему многие жертвы сталинских репрессий и других эксцессов тоталитарно-советской системы, испытавшие на себе все тяготы административно-командной системы, так некритично относятся к этим трагическим страницам отечественной истории.

Современные исследования посвящены проблеме социального неравенства. В частности, интересный и несколько парадоксальный по выводам материал представлен в статье Г.В. Еремичевой и др. «Социальное неравенство в странах постсоветского пространства (сравнительный анализ ситуации в России и Беларуси)». Более положительное, чем в России отношение к рынку и демократии в Беларуси, выявленное авторами статьи, не должно вводить в заблуждение. Это может означать, например, что россияне освободились от «демократической» и «рыночной» экзальтации и смотрят на эти реалии и готовы их осваивать более прагматично и без иллюзий. В то время как у белорусского населения такого опыта нет, или еще нет.

Петербургская тематика в разрезе социального неравенства представлена в социологическом исследовании Н.Л. Рушиновой и др. «Факторы дифференциации здоровья в С-Петербурге». Острейшая проблема исследуется под углом зрения таких существенных причин как «социальный капитал» и «экономические неравенства».

В статье Т.З. Протасенко «Опыт социологического мониторинга поведения населения в кризисных ситуациях» на материалах опросов

жителей Санкт-Петербурга выявлены растущие ожидания населения в отношении того, что органы местного самоуправления в условиях текущего кризиса могут и должны взять на себя значительную долю властных функций.

Цикл статей, в которых так или иначе представлена активная позиция социолога в понимании и преобразовании социума «эпохи перемен», открывает работа Б.И. Максимова «Двадцать лет исследования и со-творения трансформаций». Это своеобразная биография становления российского общества 1990-х годов, его самосознания, написанная социологом, включенным в качестве наблюдателя и соавтора в жизнь трудовых коллективов тех бурных лет.

В статье И.И. Травина и Е.М. Порецкиной «Опыт исследования повседневной жизни петербуржцев в 1993–2001 годах» использована солидная теоретическая база для понимания природы и динамики поведения людей в условиях экономического кризиса на рубеже XX и XXI столетий в России. Опираясь на постулаты концепций социальных сетей, теории риска Бека и Лумана, авторы приходят к далеко не тривиальным выводам о значении самооценки для выживания личности и выбора ею линии поведения в обстановке социальной турбулентности и неопределенности.

Российская наука в условиях перемен — тема статьи А.С. Мищенко «Социологический анализ условий труда ученых в институтах РАН». На базе массового двухлетнего (2004 и 2005 гг.) обследования научных работников петербургских институтов РАН автор приходит к тревожному выводу: «несмотря на предпринимаемые государством меры по реформированию РАН и улучшению положения ее сотрудников, достичь кардинального улучшения условий их труда не удалось. Совершившийся мировой экономической кризис может привести к новому ухудшению этих условий». В статье даются рекомендации на основе обобщения мирового опыта.

Понимание источников личностной мотивации людей в обществе является непременным условием объективной картины всякого, а тем более меняющегося, модернизирующегося социума. В социально значимой статье «Лocus контроля и атрибуция ответственности» М.Г. Мацкевич и А.В. Родионова исследуют на примере общероссийских и петербургских опросов, какой «тип отсылки» при объяснении биографических проблем и неудач предпочитают россияне в условиях современной России. Авторы опираются на новейшие концепции по этому вопросу, что само по себе представляет исследовательский и познавательный интерес.

Социология девиантности и социального контроля — одно из направлений, развитие которого прямо связано с демократизацией, гласностью и открытостью нашего общества. В острой и дискуссионной статье профессора Я.И. Гилянского «Конструирование девиантности: проблематизация проблемы» акцентируется внимание на важной социологической проблеме — трактовке понятия и феномена преступности/девиантности в зависимости от исторического и ментального состояния общества.

В статье М.М. Русаковой «Влияние перенесенного в детстве сексуального насилия на вовлечение женщин в проституцию» освещается одна из болевых проблем современного общества, изучение которой стало возможно лишь в постперестроечный период. Кроме обзора публикаций по данной теме, автор приводит результаты собственных исследований, отмечая неоднозначность вывода о влиянии негативного сексуального опыта в детстве на последующее занятие проституцией. Социальное значение имеет заключение автора статьи о распространенности насилия в отношении детей.

В статье И.Н. Гурвича обсуждается проблема получения достоверных статистических данных о таком латентном явлении, как употребление психоактивных веществ. Автор представляет опыт организации мониторинга, который был реализован как пилотный проект в СЗФО, подчеркивая трудности распространения этого опыта на всю Россию.

В сборнике получили отражение не все направления научной работы СИ РАН. В частности, в этом выпуске трудов не представлены глубокие и значимые научные исследования, которые ведутся в Институте по социологии семьи, гендерных и сексуальных отношений; социологии власти и гражданского общества; социальной психологии.

Надеемся, что научные труды Социологического института РАН будут встречены с интересом коллегами, равно как и всеми заинтересованными читателями, которые, как и авторы этого сборника, не исчерпали лимита веры и надежды на достойное будущее своего Отечества.

Редколлегия

**МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ
СОЦИОЛОГИИ**

Г.И. Саганенко,
galina@IS2604.spb.edu

МИКРО- И МАКРО-СРЕДА В МЕТОДОЛОГИИ ЭМПИРИЧЕСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: В статье представлена новая методологическая идея — утверждение наличия двух принципиально разных дополнительных систем обоснования эмпирического познания в социологии, настоятельности их дифференциации и понимания их специфики. Одна система — *традиционная*, когда суть эмпирического познания обсуждается «внутри» рамок и логики некоторого обобщенного социологического исследования. При этом методологические разработки о выстраиваются по этапам эмпирического исследования и скорее описывают «рецептуру» их реализации, чем обсуждают проблемность достижения адекватного, значимого, эвристического социального знания.

Вторая система связана с пониманием принципиальной значимости социальной макро-среды, «внешней» по отношению к непосредственному исследованию. Макро-среда влияет через следующие «макро-элементы»: «социальную эпоху», «социологию» и «социологическое сообщество»; «исследователя», «респондента», «метод», «ресурсы» и др.

Введение в методологический оборот значимости социальной макро-среды позволяет достичь определенной полноты в осознании потенциала и качества социологического познания. Влияние на исследование социальной макро-среды имеет универсальный характер, осознание этого момента представляется принципиально важным не только для социологии.

Ключевые слова: внутренняя (микро) и внешняя (макро) системы обоснования, микро-контекст исследования, статистическая исследовательская парадигма, формально-логические обоснования, процесс и этапы социологического исследования, социальная макро-среда исследования, макро-субъекты исследования, социальная эпоха, социология, Социологическое сообщество, социальное время, исследователь, респондент, заказчик, метод исследования, методология открытых вопросов, средства исследования, средства технической поддержки, компьютерная система ВЕГА, качественные исследования.

О системах осмысления производства эмпирического знания в социологии

Отечественная социология вступила на новый путь осмысления методологии эмпирического познания одновременно с первыми эмпирическими исследованиями в СССР в начале 60-х годов прошлого века. Движение шло по двум направлениям — по пути разработки методологии на примере конкретных исследований и систематического освоения количественных методов.

В каждом эмпирическом исследовании считалось обязательным тщательно прописывать методологическую часть — что, как и почему будет делаться. Просто ссылками на опубликованные работы было не обойтись — отечественных публикаций фактически не было, а западных мы не знали по причине их недоступности. Было также твердое убеждение в том, что научность и доказательность социологии определяется масштабом использования количественных методов. Вскоре на пустых книжных полках появился первый отечественный продукт — «Количественные методы в социологических исследованиях», подготовленный новосибирцами в 1964 году (репринтное издание тиражом 600 экземпляров)¹.

Одной из популярных методологических разработок стала монография «Человек и его работа» (под редакцией А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова, 1967 г.)², получившая широкую известность в стране и за рубежом (была переведена и опубликована в пяти странах). Влияние этой книги на отечественную социологию было очень значительным. К тому же книга была издана центральным издательством «Мысль», огромным для молодой социологии тиражом — 9500 экземпляров и разошлась по всей стране. Многие социологические лаборатории провели собственные исследования отношения к труду, повторив в целом и идеологию, и технологию оригинального исследования.

На заре отечественной социологии эта работа выступала в трех амплуа:

- при посредстве социологических методов в ней дотошно и доходчиво разбиралось отношение к труду молодых рабочих, описывались содержательные результаты пионерного исследования;

¹ Количественные методы в социологических исследованиях. Новосибирск: СО АН СССР, 1964.

² Человек и его работа: социологическое исследование / Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967.

- впервые были прописаны общие вопросы методологии эмпирического исследования применительно к конкретной проблематике. На примере этого исследования социологи могли учиться грамотно выстраивать исследование. До сих пор представленная в книге операционализация понятия «отношение к труду» выступает одним из самых удачных методических примеров при обучении социологов этой методологической норме;

- долгие годы служила для массы начинающих социологов учебным пособием при освоении статистических методов, способов методологического обоснования, презентации материалов эмпирического исследования: раздел «Статистический аппарат анализа первичных данных» оказался краткой, насыщенной и качественно изложенной презентацией основных элементов обработки данных и до сих пор не потерял своего статуса канонической и полезной работы.

Коллеги новосибирцы, работая в научном Академгородке, острее других понимали важность приобщения к мировой социологической культуре и наладили процесс переводов зарубежной социологической классики. Благодаря новосибирцам стремительно продвигалось и освоение математических методов в отечественной социологии.

Первая специализированная всесоюзная конференция в Сухуми в 1967 г. «Количественные методы в социологии» определила магистральный путь отечественной методологии на 5-10 лет. Тогда казалось, что можно добраться до сути эмпирических данных, внедряя в них все более «глубинными» методами: осваивали факторный анализ, методы распознавания образов, кластерный анализ, многомерную типологию, многомерное шкалирование и пр., и пр. Математические методы захватили умы новоиспеченных социологов: занимались самостоятельно, организовывали курсы лекций, включали математиков в штат своих подразделений, проводили математические школы.

Потом наступил «методологический поворот» — обратили внимание на исходные данные, стали разбираться, что же за материя они представляют, и занялись теорией измерения. В 1967 году был опубликован перевод книги «Основы теории измерений» П. Суппеса и Д. Зинеса³, и отечественные методологи на десятки лет застряли в этой идеологии — как сейчас представляется, малопродуктивных теоретических построениях, так и не обеспеченных эмпирическими формулами. Некоторые социологи до сих пор отталкиваются от этой теории в своих представлениях проблематики измерения.

³ Суппес П., Зинес Дж. Основы теории измерений. М., 1967.

С запуском в стране прикладной социологии появилась потребность в целостном изложении процедурных основ эмпирического исследования. Начали с перевода американского учебника П. Гуда и Д. Хатта⁴, а потом стали появляться отечественные работы — В.А. Ядова (ротапринтное издание, 1968)⁵, А.Г. Здравомыслова⁶ 1969 г., Ю.П. Воронова⁷, 1974 г. Коллеги из социалистических стран также с большим интересом и продуктивностью начали осваивать исследовательскую методологию и вскоре в СССР были переведены несколько их удачных учебников — «Процесс социологического исследования» (перевод с немецкого)⁸, «Эмпирическое социологическое исследование» (перевод с болгарского)⁹. Владимир Александрович Ядов оформил свои эмпирико-методологические построения и выпустил полноценную книгу в издательстве «Наука» — Социологическое исследование: методология, программа, методы¹⁰ (1968, 1972) (переработанные издания этой книги затем выходили в 1987, 1993, 1995, 1998, 1999, 2003, 2006, 2007 гг.). Под редакцией Г.В. Осипова было подготовлено два издания «Рабочей книги социолога» (1976¹¹, 1982¹²).

Пришла волна интереса к качеству и надежности первичных данных, которая ознаменовалась выходом работ В.Э. Шляпентоха (1973)¹³, Г.В. Осипова и А.П. Андреева (1977)¹⁴, Б.З. Докторов (1979)¹⁵, Г.И. Саганенко (1979)¹⁶. Затем наступило время осознания важности осмысления

⁴ Good W., Hatt P. *Methods in Social Research*. New York; Toronto; London, 1952.

⁵ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Тарту: ТГУ, 1968.

⁶ Здравомыслов А.Г. Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.

⁷ Воронов Ю.П. Методы сбора информации в социологическом исследовании. М.: Статистика, 1974

⁸ Процесс социологического исследования / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1975.

⁹ Михайлов С. Эмпирическое социологическое исследование / Пер с болг. М.: Прогресс, 1975.

¹⁰ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1968.

¹¹ Рабочая книга социолога / Под редакцией Г.В. Осипова и др. 1976.

¹² Рабочая книга социолога / Под редакцией Г.В. Осипова и др. 1982.

¹³ Шляпентох В.Э. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1973.

¹⁴ Осипов Г.В., Андреев А.П. Методы измерения в социологии. М.: Наука, 1977.

¹⁵ Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979

¹⁶ Саганенко Г.И. Социологическая информация / Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.

качества всего методологического построения — В.Б. Голофаст (1981)¹⁷, Г.И. Саганенко (1983)¹⁸, В.И. Паниотто (1986)¹⁹, Г.С. Батыгин (1986)²⁰.

Что касается относительно новых методологических разработок в монографическом исполнении, то среди них отметим презентацию методологии качественных исследований (В. В. Семенова, 1995)²¹, попытки окончательно разобраться с идеей вопроса в социологических анкетах — Д.М. Rogozin (2002)²², типологический анализ (Г.Г. Татарова, 1993, 2002²³). Б.З. Докторов подробно ознакомил нас с планетой по имени Гэллап (2005–2009)²⁴.

Попробуем оценить характер и стиль методологических работ отечественных социологов. Поскольку род научной критики в стране отсутствует, некоторое представление можно составить по обзорным работам. Единственно, что оказалось доступным — это написанная О.М. Масловой глава «Методология и методы» в книге «Социология в России» (1995), посвященная становлению отечественной социологии в основных ее департаментах²⁵. Данная глава составила 53 страницы (приводится по первому изданию), из них почти 8 страниц составила библиография.

В самом тексте можно выделить три части. В процентном отношении они представлены так: 53% приходится на период от О. Конта и Л.И. Мечникова до советских работ 20-х–30-х годов; 30% — на методологические поиски отечественной социологии на новом этапе, стартовавшем в 60-х годах XX века; 17% — на новейшие дискуссии по поводу качественно-количественных оппозиций. Анализируемая разработка оказалась скорее историографической, чем аналитической.

¹⁷ Голофаст В.Б. Методологический анализ в социальных науках. Л.: Наука, 1981.

¹⁸ Саганенко Г.И. Надежность результатов социологического исследования. Л.: Наука, 1983.

¹⁹ Паниотто В.И. Качество социологической информации. Киев: Наукова думка, 1986.

²⁰ Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.

²¹ Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

²² Rogozin Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Фонд «Общественное мнение», 2002.

²³ Татарова Г. Типологический анализ в социологии. М.: Наука, 1993.

²⁴ Докторов Б.З. Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьба творцов. М.: Центр социального прогнозирования, 2008.

²⁵ Маслова О.М. Методология и методы // Социология в России. М.: Издательство «На Воробьевых», 1996. (Второе переработанное издание вышло в 1998).

В презентации соединены/не разделены два жанра — хронологический и предметный. Смешение теоретической и эмпирической социологии уравнило две методологические коллизии, что не позволило проследить за становлением как теоретической мысли, так и эмпирической методологии (которую было намерение обнаружить в этом исследовании). Повествовательный, а не проблемный характер изложения не позволил выявить сильные стороны, а также значительные перекосы или упущения в отечественных разработках по методологии исследований. Работа создавала представление, что социологическое развитие в стране как бы шло непрерывно с середины XIX века, как бы незамеченным оказался провал в социологии примерно в 30–40 лет (с конца 1920-х годов) перед возрождением социологии в 1960-х годах.

Квалификация этого же периода до 60-х годов в последней книге А.Г. Здравомыслова представлена иной: «В большинстве стран с начала XIX века не прекращался процесс накопления социологического знания — знания общества о самом себе... В российской культуре социальная проблематика осмыслялась не столько в научной, сколько в художественной форме, и научная деятельность в области социологии не подкреплялась вплоть до 60-х годов XX столетия»²⁶.

В заключение у автора, О.М. Масловой, прозвучал отнюдь не оптимистический общий вывод — время осмысления потенциала исследовательского поиска *все еще не настало*. «Вопросы о том, как получают знание, на котором базируются ответы (о том, *что* и *почему* происходит в обществе — модификация Г.С.), чаще вызывает корпоративную тревогу, чем систематические исследования в области методологии» Но, видимо, чтобы не потревожить патриотизм некоторых коллег, автор предпочла в финале перейти «на позицию умеренного оптимизма»²⁷.

Прошло еще почти 15 лет после выхода того издания и аналитической работы о состоянии методологии, мы по-прежнему можем предъявить лишь «позицию умеренного оптимизма». По эмпирической методологии так и не появились работы обобщающего аналитического характера, нет обзорных исследований, не зародился институт критики, не видно новых концептуальных поворотов в методологической парадигматике, мало новых методологических монографий, утешаемся переизданиями работ прошлых лет.

²⁶ *Здравомыслов А.Г.* Социология: теория, история, практика. М.: Наука, 2008. С. 15.

²⁷ *Маслова О.М.* Методология и методы. С. 74.

Сформулировав такой серьезный диагноз, попробуем предъявить собственные методологические разработки в качестве некоторого развития и уточнить ситуацию в отечественной методологии.

О характере разработок в отечественной методологии

Отечественная социология, пытаясь утвердиться в лоне серьезных наук, потратила много усилий, чтобы доказать научный характер и соответствующее качество социологического знания. Многие мои коллеги, включая и автора данной статьи, пытались подобраться к смыслу получаемого социологического знания преимущественно на пути логико-формального обоснования, все более сложных формальных и математических построений. Социальный контекст выстраивания/получения знания даже не упоминался.

Спустя многие годы можно посмотреть, какие доказательные конструкции мы использовали и от каких исходных позиций мы начинали двигаться. Возьмем для анализа работы трех отечественных методологов — В.А. Ядова, Г.С. Батыгина и автора данной статьи — Г.И. Саганенко. У Г.С. Батыгина получалось так: «Обоснование является специфическим познавательным процессом, отражающим взаимопереход и взаимосвязь идеальных объектов научного исследования»²⁸. Или же: «Будем трактовать обоснование достаточно широко ... как комплекс логико-теоретических процедур, правил и эвристик (неявных допущений), которые регламентируют переход от фактологической информации к научному знанию и практическим решениям»²⁹ и далее продолжают такие же построения, не обеспеченные никакими эмпирическими процедурами.

Фактически только в конце книги Геннадий Семенович упоминает социолога в качестве фактора познавательной деятельности, собираясь «осмыслить роль творческого компонента познавательной деятельности применительно к повседневной работе социолога, проблемам формирования подлинной культуры научного мышления»³⁰.

В книге «Лекции по методологии социологических исследований» (1995) «научная» жесткость автора еще более впечатляющая:

²⁸ Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. С. 11.

²⁹ Там же. С. 12

³⁰ Там же. С. 202.

«Методология социологического исследования как технологический процесс. Безличность социологического знания. Четыре постулата научного этоса: универсализм, всеобщность, бескорыстие, организованный скептицизм. Правильность как критерий достоверности социологических данных...»³¹.

В своей методологической монографии (Саганенко, 1983) я с первых страниц заявляю: «Надежный результат складывается из многих элементов: разработки четкой концептуальной схемы, включающей обоснование социальных переменных; применение добротного инструментария, который призван обеспечить надежные исходные данные по выбранным переменным, обоснования выборки и соблюдения ее принципов; правильной методической организации самой процедуры обследования; тщательной первичной обработки данных для последующего их анализа на ЭВМ; применения соответствующих характеру данных математических методов и адекватной интерпретации его результатов; рассмотрения выявленных фактов в одной общей системе понятий и, в конце концов, в рамках теории»³². В принципе далее 190 страниц монографии можно было бы и не писать, поскольку «исчерпывающие» установки уже были сформулированы.

Еще в первой монографии 1977 года по изучению статической оценки качества первичных социологических данных, автор этой статьи была в мучительных раздумьях на тему — как это так получается, что у нас в руках уже есть какие-то данные, к изучению качества которых мы вот только сейчас и приступаем. Совет от В.А. Ядова был получен, и раздел о первичных данных в монографии 1983 г. был начат с пассажа: «Мы начинаем анализ проблемы с того момента, когда содержание исходных признаков, по которым будет исследоваться явление, в достаточной степени установлено и тем самым открываются возможности обсуждать вопросы на более строгом языке...»³³. Выходит, что были опущены важнейшие моменты, связанные со «стартом» и выбором, и осмысление начато фактически с середины.

Обратимся к тому, что говорил ведущий отечественный методолог Владимир Александрович Ядов по поводу начальных интенций взаимодействия социолога с социальной реальностью и исследованием в книге «Социологическое исследование: методология, программа, мето-

³¹ Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. 1995.

³² Саганенко Г.И. Надежность результатов социологического исследования. С. 4.

³³ Там же. С. 29.

ды» (1995): «Говоря о методологии и методах социологического исследования, мы должны, конечно, уяснить, каков предмет социологии как науки... Его движение зависит от двух решающих факторов: прогресса самого научного знания, с одной стороны, и меняющихся запросов общества, социального запроса, с другой»³⁴. Тут, пожалуй, можно было бы задать уточняющий вопрос: а куда делось само меняющееся общество, в котором масса чего старого исчезла и масса чего нового появилась.

В.А. Ядов объявляет: «Ключевой единицей анализа становится то, что называется «событием», действием социальных агентов»³⁵. И еще через несколько страниц: «Понятие социальной общности представляется нам ключевым в определении предмета социологии, потому что содержит решающее качество самодвижения, развития социального целого»³⁶. Так что же является «ключевой единицей» — «событие» или «социальная общность» и надо ли вообще номинировать единственное что-то на такое звание? Далее говорится — нам следует разобраться с взаимосвязью теории и эмпирического знания, с проблемой расчленения (так!) социологии на фундаментальную и прикладную, осознать необходимость в развитии специальных социологических теорий, уяснить, что же представляет собой фактуальная основа социологического знания и далее предлагается общий анализ ключевых блоков программы теоретико-прикладного социологического исследования... На этом пути мы почерпнули много полезного, но убедительного методологического знания у нас не получилось — возможна ли в такого рода построениях исчерпывающая доказательность и «неумолимость» итогового эмпирического социологического результата? Или на самом деле мера научной условности на каждом шагу значительна, никаким образом она не оценивается, и результат в конечном итоге может быть и таким, и принципиально другим?

Как видим, во всех построениях, описанных нами в научных книгах (а к названной компании можно присоединить еще и ряд других основательных методологов, например, Б.З. Докторова, В.И. Паниотто, И.Ф. Девятко и др.), представлена масса логически выстроенных, вроде формально убедительных конструкций. В значимость их мы безусловно верили, хотя они были достаточно абстрактны и не вполне понятны. В этих как бы научно строгих системах обосно-

³⁴ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Самарский университет, 1995. С. 5–6.

³⁵ Там же. С. 13.

³⁶ Там же. С. 18.

ванности абсолютно не фигурировали такие «мелочи», как «эпоха на дворе», «социология» (в ее актуальном состоянии), «исследователь», «респондент», «деньги» и т.п.

Кстати, идея «денег» не существовала вообще. Мы были бюджетной организацией, и, как наш руководитель, В.А. Ядов, добывал нам право осуществлять очередной глобальный проект и, соответственно, иметь на это разные ресурсы — дюжину ставок, зарплаты, годы на реализацию проекта, грузовик анкет (действительно такое было — везли из Москвы тираж методик для исследования «Ценностные ориентации») и пр., и пр. — такие вопросы нас вообще не затрагивали. Так что идея «презренных денег» в те годы никак не входила в наши представления о методологии эмпирических исследований и о зависимости от таковых качества получаемых нами результатов.

Будучи математиком по образованию (специальность «теория вероятностей и математическая статистика») и дотошно занимаясь 25 лет качеством и статистической обработкой данных в секторе В.А. Ядова, я давно и сознательно отошла от той наивной установки — поймать «синюю птицу» беспрекословной и окончательной научности в социологии. Сейчас основная моя методологическая идея иная — не установка на всеобщий универсализм позиций, а попытка разобраться в сферах компетентности и релевантности отдельных методов, в настоятельности совмещения разных методов, в условности фактически всех методолого-методических понятий и процедур — и репрезентативности, и измерения, и повышения надежности, и корреляций, и классификаций и пр., и пр. Вывод, который меня вполне устраивает — через сбор эмпирических данных и их анализ мы получаем лишь определенные свидетельства от/о социальной реальности. В этих свидетельствах неизбежно представлен мой собственный жизненный опыт, аппарат, которым я владею, мое умение добиваться доверия аудитории и отдельных респондентов, используемые мною компьютерные ресурсы, опыт взаимодействия с разными типами эмпирических данных.

О необходимости новых методологических координат

На фоне расширения тематического поля отечественной социологии и интереса к эмпирическим методам актуализируется потребность осмысления накопленного отечественной социологией арсенала иссле-

довательских методов, методологического осмысления социологического познания и социологического знания.

Парадигматика, которая традиционно была представлена в методологии эмпирических исследований, — процесс исследования, методы сбора информации, выборка, математические методы анализа, качество первичной информации и выборки, адекватность и эффективность математических моделей — принципиально не пересматривалась в отечественной социологии. Однако появлялись новые подходы, технологии, инструменты — координаты социологического мышления, потенциал разных типов социологических исследований, текстовые и визуальные исследования, акционистская социология, влияние динамичности и характера эпохи на технологию, масштабы и результаты исследования, осознание самостоятельного статуса исследователя, респондента, метода, средств в реализации социологического предприятия и многое другое. Нужна была более сложная система представления эмпирического знания в социологии, поиск более эффективных объяснительных конструкций.

Представляется, что одной из принципиальных методологических конструкций является разделение исследовательской среды на две разных компоненты: (а) традиционная, внутренняя, можно сказать «корпоративная», среда обоснования и реализации исследования и (б) макроконтекст исследования, «внешняя» среда исследования, находящаяся за рамками непосредственного исследования, но оказывающая на него принципиальное влияние. Остановимся на описании значимости этой дихотомической коллизии, элементному наполнению ее составляющих.

Внутренний контекст методологического осмысления

Поскольку внутренняя среда и ее элементы являются объектом систематического изучения и многочисленных публикаций в отечественной методологии, позволим себе здесь лишь немного затронуть суть и содержание этой компоненты.

Существует несколько способов систематического анализа социологических методов. В отечественной методологии преобладают три подхода к осмыслению/описанию данной методолого-методической проблематики: (а) «исследование как процесс»; (б) классификация и описание различных методов, имеющих общее наименование сбора данных (среди таковых в отечественной методологии обычно выделя-

ются «опрос», «наблюдение», «анализ документов») и анализ данных; (в) разделение методов на качественные и количественные, уточнение их специфики.

Первый тип презентаций хорошо разработан и в существующих описаниях более всего соответствует идеологии исследований в виде массовых репрезентативных опросов (Ядов 2005, 1998, 1995; методические разделы большинства учебников по общей социологии).

Второй жанр работ — описание отдельных методов — здесь представлены систематическим образом в виде монографий: методы сбора информации — глубинное интервью, фокус-группы (С. Белановский и др.); проблематика вопросов/опросов (Д. Рогозин и др.); первичные данные как проблема и методы измерения и оценки их надежности (Ю. Толстова, Г. Саганенко, Б. Докторов, И. Девятко, В. Паниотто и др.); проблемы и методы анализа совокупности первичных данных (Г. Татарова, А. Крыштановский и др.).

Третий жанр работ — разделение методов/стратегий на качественные и количественные. Проблематика в большинстве случаев проводится представителями качественного подхода, их исследования направлены на конституирование независимого статусного пространства, презентацию специфики/потенциала качественной методологии/идеологии, на проблемы размежевания и одновременно взаимодополнительных отношений качественных и количественных стратегий/подходов (В. Ильин, А. Готлиб, Г. Саганенко, Е. Смирнова-Ярская, Н. Васильева и др.).

При наличии значительной методологической работы в отечественной и зарубежной социологии следует отметить их своего рода «внутренний» характер — обсуждение методологических проблем, потенциала социологических подходов и методов, социологического исследования проводится в контексте внутридисциплинарных коллизий, а точнее, через обсуждение методолого-методических рамок социологического исследования, его отдельных этапов. Методологические построения как бы находятся «внутри» исследовательского процесса, описывают коллизию некоего обобщенного типа эмпирического исследования, не выходя за его рамки. Общий социальный макро-контекст исследования проекта никак не учитывается ни в общеметодологических разработках, ни в отдельных типах исследования, ни в конкретном исследовании.

Социальный макро-контекст социологического исследования

Существует множество категорий, которые так или иначе, прямо или косвенно затрагиваются в осмыслении социального/социологического познания, но не имеют самостоятельного статуса в социологической методологии и потому разработки, их затрагивающие, не аккумулируются в общей системе методологического знания.

Речь идет о том, что каждое исследование осуществляется в обществе, в контексте действия множества значимых факторов. Обосновывать и учитывать только «внутренние» факторы исследования, без учета макро-социальной среды, совершенно недостаточно. Требуется выделить эти самостоятельные макро-элементы социальной среды, проводить методологический анализ их значимости и воздействия на познавательную ситуацию. Необходимо разрабатывать как общие идеи, так и фокусировать внимание на необходимость учета состояния и значимости факторов в конкретной исследовательской ситуации.

Среди элементов «макро-контекста» нами выделяются как принципиальные следующие категории: «социальное время», «социальная реальность», «социология», «исследователь», «респондент», «метод», «средства», «заказчик» и др., которые представляют методологические макро-системы, влияющие, так или иначе, на масштабы, способы реализации исследования, характер получаемых результатов, а все вместе создают внешнюю макросреду исследования. Поскольку таковые влияют на реализацию социологического исследования, их можно считать «участниками» исследования, «субъектами», «макро-субъектами» исследования, тем более, что часть таких макро-элементов имеет непосредственно субъектную природу — в них так или иначе представлены люди. Применительно к отдельным «макро-элементам» полезно проанализировать такие аспекты, как их методологический статус, множественность их презентаций, их образы и аналоги в методологических работах разных исследователей, практически значимые разработки, взаимодополнительные отношения их друг с другом.

Представим краткое пояснение анализируемых макро-методологических категорий:

(1) «Социальная реальность» (ее специфика, в отличие от реальности, которую изучает физика, математика, химия и другие несоциальные науки);

(2) «Социальная эпоха» (как определяющая глобально и локально принципиальные

параметры человеческого существования в некоторый интервал времени, состояние ума и представлений в обществе, конкретные особенности жизни человека, семья, иных социальных субъектов, характеристики качества населения и др.);

(3) «Время» (физическое, календарное, социальное);

(4) «Социология актуальная» (уровень ее актуального развития, разработанные теории и аппарат, моды и предпочтения в ней существующие, включенность национальной социологии в общемировой контекст);

(5) «Социальная проблема» (социальная коллизия или проблема, выбранная для данного исследования);

(6) «Исследовательская проблема» (сформулированная в отношении выбранной для исследования социальной коллизии);

(7) «Исследователь» (как лицо физическое и/или нормативное, как профессионал, обладающий конкретным исследовательским потенциалом и др.);

(8) «Инструментарий» (сюда входит достаточно широкий и разнообразный круг единиц, используемых для методического обеспечения исследования — в общем виде это все инструменты и методы для сбора и анализа информации, включая анкеты, путеводители для интервью, методы выборки, методы шкалирования количественных данных, классификации и обработки текстов, методы анализа первичных и вторичных данных и др.);

(9) «Респондент» (если он включен в ситуацию исследования — субъект, который обеспечивает исследователя/исследование первичной информацией, обладающий разнообразными особенностями, владеющий разными информационными и интеллектуальными ресурсами и др., открывающий через себя мир частной жизни, жизнь сообществ, специфику социальных групп и социальных коллизий, что собственно «питает» работающего социолога);

(10) «Материальные средства» (физические, интеллектуальные, коммуникационные средства, статусные ресурсы, находящиеся в распоряжении исследователя);

(11) «Финансовые средства» (суммы, доступные для проекта, условия их расходования).

Методологический анализ влияния «макро-субъектов»

Коротко представим наше понимание отдельных методологических макро-систем.

«Социальное время»

Каждая социальная эпоха открывает одни возможности и сужает, а то и полностью закрывает другие возможности для социального познания. «Социальное время» влияет на масштаб и характер исследования — в разные «конкретные эпохи» имеются разные возможности ставить и изучать социологические вопросы, проводить социологические исследования. За последние двадцать лет принципиально поменялись различные макро-условия, определившие наши новые возможности изучать, а также лишившие социолога определенных привилегий прежней эпохи. Отечественная методология фактически не поставила на повестку дня самостоятельное осмысление «социального времени» в качестве «методологического участника» исследования.

Отметим коротко основные коллизии социального времени, существенно или принципиально меняющие нам характер, технологию исследования, взаимодействие с исследователем со своим детищем — исследованием.

«Ситуация на дворе» меняет возможности получать объективную информацию. В частности, стали трудными некогда безобидные вопросы (например, о зарплате/доходах), снижается доступность и качество государственной статистики. Социальное время меняет отношение людей к участию в опросах и иных исследованиях.

Социальное время присутствует в исследованиях своим темпом, динамикой общественной жизни, определяя и темп социального исследования. Так, стабильное общество позволяло на разовые исследования отводить по 5-10 и даже более лет. Галопирующая нынче ситуация в России стремительно лишает значимости каждое отдельное разовое исследование.

Социальное время определяет и систему организации науки. Раньше в нашей стране эта система была другой — исследователи «сидели на бюджете», работали большими коллективами в структуре секторов, могли, не торопясь разворачивать крупномасштабные исследования.

Конкретное время присутствует в исследовании техническими и коммуникационными достижениями, которые предъявляет каждая эпоха.

Социальное время отражается на исследованиях актуальным этапом развития самой социологии. В нашей науке появляются новые объяснительные теории, разрабатываются новые методы, осваиваются новые технологические возможности, создается программное обеспечение.

Социальное время в России поменяло экономику (а с ней и методологию) эмпирических исследований, поделило исследования на коммерческие и фундаментальные, престижные и не престижные, «публичные» и «камерные».

Социальное время предъявилося в нынешней российской социологии осязаемым давлением западных стандартов в практике проведения эмпирических исследований, часть их в значительной степени неадекватна специфике российского исследовательского поля (к таковым мы относим опросы на дому, стандартизированные интервью).

Время присутствует как временная динамика и продолжительность жизни разных социальных процессов, явлений, социальных институтов, групп, характера поведения людей и др., их годовая, сезонная, месячная, недельная, суточная специфика и цикличность. И это, несомненно, влияет на сбор данных и получаемую первичную информацию.

Время присутствует в исследовании как физическое время — определенное количество дней, недель, месяцев или лет, которые планируются/заданы под реализацию конкретного исследования, определяя темп реализации этапов и глубину исследования в целом.

«Социология»

Социология как социальный институт — еще один тип самостоятельного субъекта, определяющий характер, возможности и результаты исследовательского проекта. В практике социологических исследований весьма ощутимо влияние «социологического сообщества», которое организует или нет систематическую коммуникацию профессионалов, поддерживает большую или меньшую степень критической профессиональной оценки, контроля, патронажа проводимой сообществом деятельности, создает или нет «климат» принятия/заинтересованности или отторжения/игнорирования «новичков» и «инноваций». Социологическое сообщество подвержено модам и предпочтениям, создает корпоративные субструктуры, использует корпоративные связи, «сбивается» в замкнутые группы и пр.

Социология может находиться на той или иной стадии развития, национальная социология может занимать или не занимать значимое

место в мировом социологическом сообществе, владеть или не владеть теми или иными ресурсами. Все это в целом влияет на исследовательский потенциал социологии и отдельных реализуемых проектов, должно приниматься во внимание при планировании и реализации конкретного исследования, интерпретации и обобщении получаемых результатов.

Есть еще такой значимый макросубъект, как конкретное социологическое сообщество. Социологические сообщества по своему организационному оформлению и творческому климату могут варьировать в широком диапазоне — от по-королевски щедрых, демократических, комфортных до местечковых, келейных, закрытых, со строгой субординацией функциональных структур.

«Исследователь»

Это комплексная методологическая категория, которая предполагает понимание множества существенных познавательных аспектов, определяющих в значительной степени характер исследования, специфику первичных данных, путь следования от первичных данных к конечным результатам, особенности итоговых результатов.

Реальные исследователи изначально имеют разный жизненный, профессиональный и экспериментально-исследовательский опыт, вырабатывают определенные исследовательские предпочтения, базируются на определенных исследовательских парадигмах, владеют разными возможностями, имеют разную доступность к тем или иным ресурсам, в том числе к информационным ресурсам, включая возможности контактов с разными категориями населения.

Исследователь, систематически практикующий в рамках стандартизированной парадигмы (именно к нему чаще всего относится образ «социолог с анкетой») — тем самым, имеющий значительный опыт разработок стандартизированных вопросников, обоснования/организации статистических выборок, выходящий в поле/вступающий в соприкосновение с социальной реальностью разовыми рейдами, владеющий опытом применения статистического пакета прикладных программ (например, SPSS), использования вероятностно-статистических методов, оценки устойчивости показателей и значимости их различий, получения специфических количественных результатов, их описания и интерпретации. Такой исследователь будет преимущественно выбирать и обосновывать такого рода исследования в своей исследовательской практике. «Ортодоксальный консенсус» — так номинировал Энтони

Гидденс приверженцев этого подхода, без энтузиазма отмечая значительную власть, сосредоточенную в руках этого сообщества.

Исследователь-акционист будет искать объекты для полевой работы, ему будет интересно наблюдать социальные ситуации и процессы «с близкого расстояния», идти по исследованию в определенном смысле одновременно с социальным процессом — с его развитием и развитием представлений об этом процессе и его познании.

Исследователь, предпочитающий общения с аудиториями респондентов и внимание к актуализациям респондентов за счет открытых вопросов — осознанно идет на общение с аудиториями, на получение огромной массы текстов, на непростые поиски значимых в ответах коллизий, на построение классификационных схем, на выявление относительной специфики разных временных, территориальных и иных социальных «точек». И главное — имеет шанс продолжить общение с аудиториями, иметь от них «обратную связь».

Рассмотрим, как в методологических работах упоминается идея исследователя и в каком качестве. Так, у Г.С. Батыгина в его ключевой работе «Обоснование научного вывода...» идея исследователя появляется к концу монографии (после рассмотрения глав о социальных показателях, концептуальном анализе, социальных фактах) — в десятистраничном разделе «Социальные роли» социолога: проблемы профессионализации». В определенном смысле речь «о социально профессиональных ролях социолога: что ждут от него и насколько он сам способен выполнять эти ожидания»³⁷.

Автор выделил две категории исследователей: есть социологи-непрофессионалы (тут имеются в виду «заводские» социологи) и есть представители академической науки (надо полагать, профессиональные социологи). Г.С. Батыгин считал, что «сформировавшаяся в стране «отрасль» непрофессиональной науки требует повседневной помощи ведущих учреждений, стандартизации исследовательской документации, разработки конкретных методических руководств, справочников, указателей». Отмечается и более удачный, с точки зрения автора, вариант интеграции науки и практики — социологические службы партийных комитетов, крупных НПО, функционирующие под научным руководством исследовательских учреждений³⁸. Говорится, что большинство социологов обременено профессиональными стереотипами — идут

³⁷ Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. С. 209.

³⁸ Там же. С. 210.

на поводу «интересных вопросов», или выступают как «социологи-всезнайки», для многих анкета выступает «идолом»³⁹.

В работе Г.С. Батыгина используется несколько оснований для типологии исследователей и сформулированы явные претензии к недостаточной профессиональности социологов. Однако при этом можно резюмировать — исследователю не выделяется самостоятельный методологический статус, предполагается это только некий виртуальный эталонный тип исследователя, все остальное для методолога — досадные отклонения от эталона.

Самарский социолог качественной ориентации Анна Готлиб использует образ и идею «рефлектирующий социолог»⁴⁰.

Петербургский социолог В.И. Ильин, работающий в парадигматике качественного подхода, видит позицию исследователя в следующих вариантах: «исследователь как игрок», «исследователь как разведчик», «исследователь как советник», «исследователь как политик», «исследователь как путешественник»⁴¹. Попробовав себя в разных жанрах, сам В. Ильин делает свой персональный выбор в пользу «путешественника» — «просто путешествует в ходе своих полевых исследований из одного социокультурного мира в другой и рассказывает в своих публикациях и лекциях, что он там увидел»⁴². Так или иначе, отечественные методологи отмечают разнообразие характера исследователя, типов его работы.

«Метод исследования»

В эту категорию входит много разных составляющих, по крайней мере, сюда относятся методы актуализации/фиксации первичной информации, методы измерения первичных признаков, методы формирования выборки и отбора единиц в непосредственное исследование, методы коммуникации с респондентами (если респонденты включены концептуальные рамки исследования), методы анализа системы собранной информации.

В данном тексте мы частично представим проблему метода с помощью интегрального понятия *«тип социологического исследования»*. Типы исследований можно выделять по множеству оснований. Одним

³⁹ Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. С. 216.

⁴⁰ Готлиб А.С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Изд-во Универс-групп, 2004.

⁴¹ Ильин В.И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Социополис, 2006.

⁴² Там же. С. 7.

из оснований типологии исследований выступает метод актуализации/сбора данных. Метод сбора данных определяет специфику, трудоемкость, времяземкость реализации основных блоков исследования, нагрузку на исследователя на разных его этапах. Особенности первичных данных определяют в значительной степени характер и содержание финальных результатов исследования, путь следования к ним. Не имея возможности систематически описывать разные целостные системы получения эмпирического социологического знания, коротко представим пример лишь одной познавательной системы.

Методология открытых вопросов

Методология открытых вопросов принципиально отличается от количественного и качественного исследований по своим познавательным, гуманистическим, коммуникационным аспектам. В качественном исследовании основным героем «социологической драмы» выступает «исследователь» — он-де путешествует, наблюдает и рассказывает (как у В. Ильина), это способ видения и выговаривания действительности (соответственно исследователем), это идея диалогичности (активность познающего и активность открывающегося), это сложность двухстороннего акта познания-проникновения (как у А. Готлиб).

Что касается нашего подхода с «эксплуатацией» открытых вопросов и включением респондентов в исследовательский проект, то наши познавательные задачи/результаты артикулируются существенно иным способом. Презентации и напряжения в таком исследовании двух типов участников — исследователя и респондентов — принципиально значимы и прописаны в разных местах и в разных видах познавательной и коммуникационной деятельности. В нашем случае исследователь перекладывает проблему первичной концептуализации некоторой значимой социальной коллизии/объекта на респондентов. С этой целью он действует следующим образом: (1) выбрав интересующую его социальную коллизию, создает привлекательный и полезный для рефлексии инструмент — вопросник с открытыми (и иными) вопросами; (2) «договаривается» с аудиторией — общается с аудиторией респондентов, создает у них мотивацию участвовать в обсуждении (поиске/записи ответов на вопросы анкеты) и тем самым готовность потратить на исследователя свои временные, интеллектуальные, информационные и эмоциональные ресурсы; (3) респонденты, формулируя и записывая текстовые суждения о разных сферах индивидуальной или общественной жизни, во-первых, сами получают «навар» — разбираются по сути

вопросов/формируют свои представления о значимом для себя объекте и, во-вторых, осуществляют основную для исследователя работу — дают частичные описания многообразных сторон изучаемого(ой) объекта/проблемы/своей жизни; (4) исследователь проводит трудоемкую работу — изучает вариацию высказываний респондентов по каждому вопросу, ищет фокусы внимания/акценты респондентов, концептуализирует обнаруженную систему акцентов, создает обобщенную картину объекта через представления респондентов. (В принципе при опросах «стационарных» групп имеется возможность вернуться в аудиторию к своим респондентам и показать/обсудить полученные результаты, и даже повторить или развить исследование).

Исследователь должен/может осуществить переход к социально значимым обобщениям и выводам за счет многократных итераций, должен описать процесс и результаты исследования привлекательным и убедительным текстом. Тем самым такая социология должна быть привлекательной и «*читателю*», знакомящемуся с нашими опусами. Читателем может быть и наш коллега по научному цеху, и эксперт, и обыватель. Мы полагаем, что наш текст «Представления молодежи о стране эпохи СССР» на материалах рефлексивного исследования окажется «читабельным» и для коллеги социолога, и читателя-неспециалиста⁴³.

Исследования, построенные на открытых вопросах, имеют несколько гуманистических эффектов. Прежде всего, они предлагают респонденту формат и условия для осмысления коллизий собственной жизни и окружающего общества, для приобретения определенного опыта социальной рефлексии, систематического вербализованного оформления своих собственных представлений.

Исследователь в таких исследованиях также получает нового типа исследовательский материал — имеет вербализованные свидетельства о социальной реальности, индивидуализированные презентации отдельных людей, получает множество первичных концептуализаций социальных процессов/объектов со стороны множества респондентов/экспертов, в конечном итоге выстраивает устойчивую картину социального процесса/ социальной коллизии на актуализациях «коллективного эксперта» — совокупности респондентов. Исследователь имеет базу для получения как содержательно, так и статистически доказательных результатов и выводов, в своих публикациях получает возможность

⁴³ Саганенко Г.И., Воронцова О.А. Представления молодежи о стране эпохи СССР // Социология. М., 2008. 4. № 27. С. 158–188.

иллюстрировать свои аргументы, предоставлять возможность звучать «голосам молчащих» — респондентам.

С макро-категорией «метод» находятся в наиболее активном взаимодействии такие «макро-единицы», как «исследователь», «респондент», «средства».

«Респондент»

В социологическом исследовании у «респондентов» («информантов» и др.), если таковые включены в исследовательский процесс, особая миссия. Так, если респондента привлекают к заполнению стандартизированного вопросника, тем более, если сбор данных проводится в рамках процедуры стандартизированного интервью (при которой респондент даже не видит целостного вопросника, не имеет возможности понять контекст задаваемых ему вопросов и пр.), то респондент здесь имеет минимальные возможности выступить как индивид, оказаться партнером исследовательского процесса, он только «инструмент», производящий данные для социолога, к тому же в специфическом формате и слабо отрефлексированной ситуации.

Если же респонденты участвуют в исследовании, строящемся на интервью, биографиях, дневниках, открытых вопросах, то они в определенном смысле становятся партнерами исследователя, делятся с исследователем своими временными, интеллектуальными, информационными ресурсами.

Специфика индивидуальных и групповых способов опроса

Можно отметить, что индивидуальные и групповые способы *опроса* имеют принципиально разные познавательные характеристики, разную автономию респондента, разные условия анонимности, разный кумулятивный результат. Вообще групповые опросы формируют/предъявляют особый тип респондента — *респондента группового*. Работа отдельного респондента в группе влияет на группу и работа/отношение группы к участию в опросе оказывает влияние на отдельного респондента. Оттого, удалось ли сделать аудиторию своим союзником, увлечь перспективой полезности/привлекательности отвлечения по проблеме, зависит качество полученного первичного материала. Анкеты на открытых вопросах в совокупности обеспечивают глубокие, полноценные суждения, позволяющие респонденту «открыть» самого себя для себя и исследователю «открыть» специфику ситуации через респондентов.

Групповые опросы в «стационарных» аудиториях имеют и особый акционистско-познавательный ресурс (который, кстати, никак не отмеченный в методологических работах) — такие опросы содержат принципиальную возможность для исследователя «обратной связи» с данной аудиторией респондентов, проведения повторных обращений, сравнительных исследований, уточнения и расширения исследовательских, коммуникационных, гуманистических задач с изучаемыми группами людей.

Надо отметить, что любое общение с аудиторией в рамках социологического опроса/ беседы/дискуссии — ограничено по времени, чаще всего это один или два академических часа. Ни одна социально-значимая сфера/тема/социальная коллизия (самореализация, здоровье, образование, повседневность, семья, взаимоотношения поколений и др.) не может быть достаточно основательно прояснена/освоена человеком в рамках такого короткого промежутка времени, хотя, несомненно, может дать достаточное количество данных исследователю и даже для докторской диссертации. Социальная коллизия «полезности» социологических «рейдов» для респондентов и аудиторий нигде не поднимается — миссия респондента, вроде бы, только в том, чтобы быть полезным социологу. Развивая и практикуя гуманистическую социологию, мы предпочитаем работу/коммуникацию со «стационарными» аудиториями, позволяющими респондентам (может быть, студенту или учащемуся в классе общеобразовательной школы) освоить отдельную социально-значимую сферу при систематической поддержке социологии.

«Средства»

Эта категория объединяет многообразные составляющие (включая методические, финансовые, технологические и др. средства, а также человеческие ресурсы), которые можно разделить на две группы — «средства материальные» и «средства технической поддержки».

«Средства материальные»

Проблема денег/ресурсов/средств в прежние времена вообще не принималась во внимание при обосновании масштаба исследования, как бы не существовала в принципе, по крайней мере, не присутствует в методологических построениях, в осознании самих исследователей. Идея ресурсов никак не включалась в представления о методологии эмпирических исследований и о зависимости качества получаемых нами результатов от таковых.

В новейшие времена не только для конкурсных проектов, но даже для бюджетной тематики мы начинаем калькулировать требуемые ресурсы в эквиваленте денежных сумм.

«Средства технической поддержки»

В данном случае отметим только особые возможности для качественных (в нашем случае базированных на текстах) исследований, которые обеспечивают специально разработанные для их поддержки и повышения их эффективности две *компьютерные технологии* ДИСКАНТ и ВЕГА. Эти продукты созданы в Санкт-Петербургском экономико-математическом институте РАН под нашим (Г.И. Саганенко) руководством в обеспечение нашего концептуального подхода и систематически опробованы на многих десятках исследованиях. В настоящее время проходят обкатку новые блоки системы ВЕГА. Программы предоставляют социальному исследователю разнообразные средства хранения информационных массивов исследований, их наращивания, сравнения, слияния, средства получения многообразных словарей, инструменты доказательной классификации массивов текстовых единиц, концептуального анализа сплошных текстов, структурного сравнения текстовых массивов и многое другое. Эти программы обеспечивают многообразную поддержку качественных (с текстовой и смешанной первичной информацией) исследований, возможности работать с цифровой (альтернативной и многоальтернативной, единичной и табличной) информацией.

«Средства технической/технологической поддержки» одновременно относятся к категории «методы исследования» и тем самым подтверждают методологическую идею о взаимодополнительных отношениях разных макро-факторов социологического исследования, о проблемности однозначного разнесения методологических категорий.

Программы и компьютерные системы поддержки социологических/социальных исследований разрабатываются и широко представлены в зарубежных исследованиях. Это работы N. Fielding, J. Fielding, U. Kelle, R. Popping, M. Agar, C. Zuell, P. Bazeley, L. Richards, C. Blackenridge, R. Burgess, A. Coffey, P. Atkinson, J. Creswell, N. Gilbert, U. Kuckartz. Начиная с монографии Ренаты Теш 1990, были подготовлены обзорные работы Э. Вейцманом, У. Келле, Г. Клейном, Н. Филдингом и др. Ежегодно проводятся конференции по проблемам, программам, перспективам компьютерной поддержки качественных, текстовых исследований. Существуют сетевые ресурсы на Интернете, в частности CAQDAS.

Систематическое осмысление ресурсов, которые обеспечивает компьютерная система ВЕГА/ДИСКАНТ, показывает принципиальную значимость технических средств в достижении надежного социального знания, качественных свидетельств о состоянии социальной среды и представлений людей.

Считаем важным остановиться на описании программы поддержки качественных исследований ВЕГИ по трем основаниям:

- Факт отсутствия упоминания компьютерной поддержки в публикациях по отечественным качественным исследованиям говорит о своего рода «кустарности» работы исследователя, имеющего дело с текстовыми информационными массивами, и, тем самым, значительной случайности полученных им результатов. Ведь качественные исследования — это, как правило, значительные массивы текстовой информации. И потому считаем важной задачу презентации нашей работающей программы.

- Осознание значительного влияния технологии на результаты исследования. Считаем, что аналитический программный ресурс выступает активным «субъектом» исследования, обеспечивая исследователю/исследованию динамичность, глубину, широту, доказательность, надежность исследовательского поиска и др. Когда же у исследователя отсутствуют такого рода ресурсы, соответственно его аналитические возможности весьма ограничены и результаты случайны.

- В отечественной социологии есть значительная, правда, неосознанная, потребность в знакомстве с конкретной эффективной компьютерной системой в поддержку качественных исследований. Мы знаем минимум работ наших коллег, которые систематически рассматривали, разрабатывали и описывали компьютерные технологии (среди них А.А. Крыштановский, О.Б. Божков, С. Чесноков, А.Н. Чураков и немногие другие).

Методы анализа и компьютерной поддержки можно разделить на два широких класса — применительно к стандартизированным/количественным исследованиям (и эту тему компьютерного сопровождения мы не будем затрагивать) и применительно к качественным исследованиям.

Исследовательский потенциал компьютерной системы ВЕГА

В содружестве программистами СПб ЭМИ РАН разработан и описан значительный познавательный ресурс, который обеспечивает комфортная и эффективная компьютерная система поддержки качественных исследований, которую представляет собой отечественная система ВЕГА и которая в принципе доступна пользователям в нашей стране.

Методологические, методические, компьютерные и практические разработки, выполненные в рамках методологии открытых вопросов и анализа больших текстовых массивов, позволяют нам заявлять, что мы создали самостоятельную, полномасштабную, целостную исследовательскую технологию для изучения актуальных социальных явлений.

Данную технологию поддерживают следующие макро-элементы:

1) Наличие последовательной методологической концепции, систематически описывающей познавательный и гуманистический потенциал данного подхода⁴⁴;

2) Разработанная система открытых вопросов, описание их познавательного потенциала⁴⁵;

3) Множество опросных методик, построенных на системном использовании открытых вопросов (в частности, 15 методик на примере изучения сферы образования опубликованы⁴⁶).

4) Данного типа методики разработаны для изучения социальной тематики из сферы образования, наркомании, антинаркотической политики, здоровья, семьи, экологии, для мониторинга изменяющихся параметров трансформирующегося российского общества (ситуация отслеживалась регулярными панелями на интервале 1989–2000 гг.), для сравнительного изучения актуального состояния общества в восприятии жителей разных стран (России, Дании, Швеции) и др.

5) Разработана компьютерная система ДИСКАНТ/ВЕГА в поддержку исследований, базированных на текстах. Особо развиты возможности предусмотрены для исследований, построенных на структурированной текстовой информации, а именно — на анкетах с системным использованием открытых вопросов, обеспечивающих значительные массы текстовых суждений. Программа позволяет оперировать системой из множества автономных текстовых массивов, которую, по сути, представляет первичная информация такого рода исследований.

6) В рамках ВЕГИ (ДИСКАНТА) разработан особый (отсутствующий в других программах) аналитический инструментарий для проведения систематической, доказательной, оптимальной *классификации полных массивов* текстовых суждений. Инструментарий классификации позволяет находить и фиксировать фокусные темы/рубрики/разделы/

⁴⁴ Саганенко Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Кн. 2 / Под ред. Г.И. Саганенко. СПб: ГНУ «ИОВ РАО», 2005. С. 19–45.

⁴⁵ Там же. С. 46–72.

⁴⁶ Там же. Ч. 2. 2008. С. 184–186.

параметры в ответах респондентов (суждениях экспертов, материалах статей, текстовых описаниях характеристик объектов) и, в конце концов, выявлять «тематические» структуры в текстовых массивах и их вес. Система классификации позволяет двигаться итерациями — начинать с выявления простых, популярных или более понятных элементов в описаниях/ характеристиках изучаемой социальной коллизии (объекта, процесса), содержащихся в массиве текста/текстов, и в конечном итоге достигать некоторого его оптимального описания. Система позволяет сравнивать содержательные структуры для корреспондирующих вопросов/объектов/ массивов.

7) Опубликованы систематические описания программы, релевантных исследовательских методик, дополнительные возможности описаны в приложениях и инструкциях для пользователя⁴⁷.

Система ВЕГА содержит одновременно исходные тексты, классификаторы, результаты классификации, выводит соответствия классов и текстовых единиц по любому заданному условию.

Методологическая ценность данного продукта состоит в том, что он показывает существенную роль и конкретные возможности работы с качественными и иными данными, возможность влиять на получаемые результаты и, соответственно, входить в общий макро-контекст социологического исследования.

Заключение

В данной статье представлена эвристическая методологическая идея: одновременное существование в дополнительных отношениях двух познавательных сред — внутренней и внешней. Внутренняя среда — это традиционная парадигматика анализа процесса и методов исследования. Социальная макро-среда представлена системой значимых «участников», макро-субъектов эмпирического исследования. Выделена совокупность «макро-систем», которые влияют на характер, масштаб, результаты и качество исследования — в связи с этим мы называем их «субъектами» исследования. Проанализирован методологический статус каждого «макро-субъекта», многообразие его презентаций, специфика его влияния на социологическое предприятие. В качестве

⁴⁷ Саганенко Г.И. Многообразие возможностей социологического изучения сферы образования. Кн. 1. СПб., 2004; Саганенко Г.И. (науч. ред.) Многообразие... СПб., 2005; Саганенко Г.И., Каневский Е.А., Боярский К.К. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы ВЕГА // Телескоп. 2008. № 6. С. 43–55.

наиболее продвинутых методологических разработок представлены отдельные тематические разделы: «социальное время», «социология, социологическое сообщество», «исследователь», «респондент», «ресурсы», «методы».

Отмечается универсальный характер идеи «социального макроконтекста» исследования и непосредственно отдельных познавательных «макро-субъектов» для различных областей социального и гуманитарного познания, тем самым обосновывается общенаучная значимость представленного подхода.

*Г.В. Каньгин,
genaka@inbox.ru*

АНАЛИЗ КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К ОПЕРИРОВАНИЮ ПОНЯТИЯМИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Аннотация: Проанализированы трудности методологии социологического исследования, развиваемой с помощью естественного языка. Предложен синтез процедур анализа качественных данных и онтологических методов управления знаниями в качестве конструктивной основы инструментария социолога, построенного на оперировании исследовательскими понятиями.

Ключевые слова: Анализ качественных данных, онтологические методы, литературная теория, оперирование понятиями в социологическом исследовании

Никто не должен бояться,
что наблюдение над знаками уведет нас от вещей:
напротив, оно приводит нас к сущности вещей.

Г. Лейбниц

Введение

Анализ качественных данных (АКД) — это конструктивная методология социологического исследования, в основе которой лежит кодирование нечисловой информации. С кодированием связана одна из главных методологических особенностей АКД — замена текстовых свидетельств информанта на систему кодов, иначе говоря, аналогов научных понятий.

Генезис этой замены кроется в тезисе: наука — это система взглядов, выраженная в понятиях. Этот тезис сжимает до одного высказывания результаты огромной интеллектуальной работы, выполненной

классиками, исследовавшими проблемы развития научного знания в его разнообразных социальных контекстах — коммуникационном, управленческом, воспроизводственном и др. Появлению современных компьютерных методов анализа нечисловой информации способствовали идеи и концепции Л. Витгенштейна, А. Гидденса, Ж. Дерриды, Р. Карнапа, М. Полани, К. Поппера, Ю. Хабермаса, М. Фуко и других ученых, разработавших свои системы философских представлений о языке науки, проверяемости научных выводов, конструктивности социальных теорий и пр. Один из современных исследователей, внесший значительный вклад в осмысление конструктивной методологии социального исследования, — У. Келле в числе эпистемологических основ АКД выделяет такие мировоззренческие системы как феноменологию, оксфордскую школу философии языка и герменевтическую философию¹.

Сегодняшний анализ нечисловой информации базируется на множестве компьютерных программ. В их число входят: AnSWR, AQUAD, Atlas.ti, Decision Explorer, Ethnograph, HyperResearch, Kwalitan, MAXqda, NVivo, QDA Miner, Qualrus, TextQuest, XSight, и др. Различные проблемы развития компьютерных методов качественного исследования рассматриваются в работах многих западных авторов, среди них П. Аткинсон, Х. Беккер, Е. Брент, Е. Вейцман, Г. Гиббс, Е. Герсон, К. Драсс, Дж. Зайдель, А. Коффи, Р. Ли, М. Лонкила, А. Льюинс, М. Майлс, Т. Мур, Б. Пфaffenбергер, С. Рагин, Л. Ричардс, Т. Ричардс, С. Сил, Р. Теш, Н. Филдинг, М. Фишер, Б. Холбрук, А. Хьюберман и др.

В работах отечественных авторов проблематика АКД как конструктивной методологии социологического исследования еще нешла должного отражения. Показательно, что в пионерных российских монографиях по методологии качественного исследования В. Семенов и А. Готлиб² не используется даже сам термин «качественные данные», выступающие в качестве конструктивной основы последующего анализа информации.

Исследования в области АКД во многом обусловлены существующей «познавательной ситуацией» в области социальной методологии, о которой еще сорок лет тому назад Я. Щепаньский писал: «язык социо-

¹ Kelle, U. Theory Building in Qualitative Research and Computer Programs for the Management of Textual Data // Sociological Research Online. 1997. Vol. 2. № 2. <http://www.socresonline.org.uk/2/2/1.html> (дата считывания 05.04.2008).

² Семенова В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998; Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара: Универс-групп, 2004.

логии еще очень далек от окончательной стабилизации»³. Так же, как сорок лет назад современная социология вряд ли отвечает требованию научности, т. к. не имеет собственного инструментария, позволяющего аналитику в ходе социологического исследования вводить научные понятия и полноценно развивать теоретические взгляды на их основе с помощью веками отработанных принципов (тождественности, непротиворечивости, явного указания гипотез и т. д.). Основной методологический инструмент для социологии — текст и стоящий за ним естественный язык.

Широко известна критика естественно языковых построений, используемых для целей создания социальной теории. Из числа недавних публикаций на русском языке напомним монографию А. Давыдова⁴. Вдобавок к содержащимся в ней характеристикам словесных аналитических выкладок обратим внимание на выражение В. Радаева «ковыряние палкой в тумане»⁵. К этому же ряду подходит лазарсфельдовское словечко *imagegu*, которому трудно подобрать аналог в русском языке. В этом контексте термин М. Алле «литературная теория»⁶ радуется своей академической толерантностью.

Обратим внимание еще на два аспекта литературной теории в социологии. Во-первых, используя естественный язык в качестве инструмента теоретизирования, социологи дают весомый повод заподозрить себя в непрофессионализме. Профессионалы языка — лингвисты — для создания своих теорий о языке стремятся уйти от обращения к этому обыденному медийному ресурсу. Взамен предлагаются такие средства, как: словари, тезаурусы, онтологии, концептуальное моделирование, теории метафоры и прочие средства, призванные устранить принципиальные недостатки естественного языка в качестве научного инструмента — метафоричность, неконтролируемую контекстную обусловленность и т. п. К сожалению, социальные теоретики игнорируют этот вызов, наблюдаемый в смежной предметной области. Это пренебрежение вполне рефлексивируется лингвистами.

³ *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. Новосибирск, 1967. С. 21.

⁴ *Давыдов А.* Конкурентные преимущества системной социологии. М., 2008. Гл. 1 (электронная версия по адресу: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/324618.html>, считано 03.12.2008).

⁵ *Радаев В.* Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. 2008. № 7 (291). С. 26.

⁶ *Алле М.* Современная экономическая наука и факты // THESIS. 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 12.

Например, Р. Фрумкина, резюмируя разнообразные конкретные наблюдения из областей лингвистики и психологии, ставит под сомнение возможность опытного обоснования социологических утверждений, безотчетно формулируемых на естественном языке⁷.

Во-вторых, вдумаясь в следующее утверждение И. Азаровой и ее коллег: «Для слов любой части речи можно подобрать такой контекст, в котором будут взаимозаменяемы слова, семантически не связанные друг с другом»⁸. Это еще не приговор всей литературной традиции в социологии, но весомый повод усомниться в состоятельности намерений социальных теоретиков, игнорирующих веками наработанный аппарат науки в виде аксиоматики, правил вывода, явно сформулированных гипотез и пр. в пользу «разъяснения» одних слов естественного языка через другие⁹.

Завершая наш краткий экскурс в проблематику АКД, выскажем мнение, что ее научный смысл лежит в поисках конструктивного ответа на фундаментальные вызовы социальной методологии. Вспомним А. Шюца: «действительно, самый серьезный вопрос, на который методология общественных наук должна дать ответ, состоит в следующем: как возможно сформировать объективные понятия и объективно верифицируемую теорию субъективно значащих структур?»¹⁰

Что такое «переход на оперирование с понятиями»?

Ответ на поставленный вопрос может быть весьма кратким: это замена вербального изложения, проще говоря, текста, на структурные отношения между терминами. Рассмотрим, как этот переход осуществляется в практике социологического исследования.

⁷ Фрумкина Р. Психология и лингвистика как контексты социального познания // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 144.

⁸ Азарова И., Митрофанова О., Синопальникова А. Компьютерный тезаурус русского языка типа WordNet. 2003 // http://project.phil.pu.ru/RussNet/papers/RussNet_dialog2003.pdf (считано 27.02.2009).

⁹ Каныгин, Г. Контекстно-ориентированный подход к построению теорий. СПб.: Норма, 2006.; Каныгин, Г. Текст как инструмент социального теоретизирования // Пути России: Проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 144–160.

¹⁰ Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 372 (электронная версия по адресу: <http://www.rshu.ru/article.html?id=2713>, считано 10.10.2008).

Традиционным и на сегодняшний день наиболее распространенным способом введения аппарата научных понятий в канву социологического исследования является позитивистская методология. В этом случае естественноречевые суждения, полученные как непосредственно от информанта, так и предложенные аналитиком, сводятся к различного рода вполне научным представлениям, которые получили общее название количественных. Среди подобных представлений — координатное пространство, которое именуется признаковым; выборка; данные; статистические методы; шкалирование; отношение порядка и т. п. В чем особенность такого способа введения научных терминов в «тело» социальной теории? В общей форме — это сведение мнений о социальном сюжете, выраженных на естественном языке, к конструктивным терминам, развитым в предметных областях, возникших и развившихся вне проблематики социальных наук. Типичным приемом служит сведение полноценных социологических понятий *пол, возраст, социальное положение* и т. п. к виду переменных или данных, т. е. аналитическим инструментам, развитым для решения отнюдь не социальных проблем. Такое сведение называется операционализацией социологического понятия. Скажем, исследовательский термин *доход* переводится в формат переменной, принимающей целочисленные значения. Аналогично поступают с другими терминами — *возраст, трудовой стаж, любимый актер* и т. п.

Операционализация

При сведении понятия к операциональному виду «обрубаются» все структурные отношения термина, которые характеризуют его именно как предметное социологическое понятие. Скажем, понятие *доход* всегда предполагает наполняющие его смыслом связи — за какой период, чей, какие источники учтены и т. п. Эти структурные отношения во многих своих проявлениях могут оставаться в скрытом виде в голове исследователя и других акторов позитивистского исследования, частично их можно разыскать в тексте анкеты или другого документа, регламентирующего операционализацию.

Так как связи терминов остаются в голове социолога, то по мере выполнения научных проектов он набирается опыта и становится авторитетным специалистом в своей предметной области. К сожалению, такой позитивистский способ накопления информации не решает, по крайней мере, двух проблем. Во-первых, при накоплении концептуальной